

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

Въ лѣто 6745. Въ второе на десят лѣто по принесении чудотворнаго образа Николина ис Корсуня. Прииде безбожный царь Батый на Русскую землю со множеством вой татарскими, и ста на рѣце на Воронеже близ Резанския земли. И присла на Резань к великому князю Юрью Ингоревичю Резанскому послы бездѣльны, просяща десятины въ всем: во князеѣх и во всяких людех, и во всем. И услыша великий князь Юрьи Ингоревич Резанский приход безбожнаго царя Батыа, и вскоре посла въ град Владимир к благоверному к великому князю Георгию Всеволодовичю Владимирскому, прося помощи у него на безбожнаго царя Батыа, или бы сам пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирской сам не пошел и на помощь не послал, хотя особе сам сотворити брань з Батыем. И услыша великий князь Юрьи Ингоревич Резанский, что нѣсть ему помощи от великаго князя Георгия Всеволодовича Владимирскаго, и вскоре посла по братью свою по князя Давида Ингоревича Муромскаго, и по князя Глѣба Ингоревича Коломенскаго, и по князя Олга Краснаго, и по Слеваде Проньскаго, и по прочии князи. И начаша совещевати, яко нечестиваго подобает утоляти дары. И посла сына своего князя Федора Юрьевича Резанскаго к безбожному царю Батыю з дары и молении великими, чтобы не воевал Резанския земли. Князь Федоръ Юрьевич прииде на реку на Воронеже к царю Батыю, и принесе ему дары и моли царя, чтобы не воевал Резанския земли. Безбожный царь Батый, лстив бо и немилосердъ, приа дары, охачися лестию не воевати Резанския земли. И яряся-хваляся воевати Русскую землю. И нача просити у рязанских князей тщери или сестры собѣ на ложе.

ПОВЕСТЬ
О РАЗОРЕНИИ
РЯЗАНИ
БАТЫЕМ

В год 6745 (1237). В двенадцатый год по перенесении чудотворного образа Николина из Корсуни. Пришел на Русскую землю безбожный царь Батый со множеством воинов татарских и стал на реке на Воронеже близ земли Рязанской. И прислал послов непутевых на Рязань к великому князю Юрию Ингваревичу Рязанскому, требуя у него десятой доли во всем: во князьях, и во всяких людях, и в остальном. И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский о нашествии безбожного царя Батыя, и тотчас послал в город Владимир к благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому, прося у него помощи против безбожного царя Батыя или чтобы сам на него пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирский и сам не пошел, и помощи не послал, задумав один сразиться с Батыем. И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского, и тотчас послал за братьями своими: за князем Давыдом Ингваревичем Муромским, и за князем Глебом Ингваревичем Коломенским, и за князем Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским, и за другими князьями. И стали совет держать — как утолить нечестивца дарами. И послал сына своего князя Федора Юрьевича Рязанского к безбожному царю Батыю с дарами и мольбами великими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю. И пришел князь Федор Юрьевич на реку на Воронеж к царю Батыю, и принес ему дары, и молил царя, чтобы не воевал Рязанской земли. Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещал не ходить войной на Рязанскую землю. Но хвалился-грозился повоевать всю Русскую землю. И стал просить у князей рязанских дочерей и сестер к себе на ложе.

И нѣкий от велмож резанских завистию насочи безбожному царю Батыю на князя Федора Юрьевича Резанскаго, яко имѣет у собе княгиню от царьска рода, и лѣпотою-тѣлом красна бѣ зело. Царь Батый лукав есть и немилостивъ в невѣрїи своем, пореваем в похоти плоти своея, и рече князю Федору Юрьевичю: «Дай мнѣ, княже, вѣдети жены твоей красоту». Благовѣрный князь Федор Юрьевич Резанской и посмѣяся, и рече царю: «Не полезно бо есть нам християном тобѣ нечестивому царю водити жены своя на блуд. Аще нас приодолѣши, то и женами нашими владѣти начнеши». Безбожный царь Батый возярился и огорчился, и повелѣ вскорѣ убити благовѣрнаго князя Федора Юрьевича, а тѣло его повелѣ поврещи зверем и птицам на разтерзание; и инех князей, нарочитых людей воиньских побилъ.

И единъ от пѣстун князя Федора Юрьевича укрыся именем Апоница, зря на блаженое тѣло честнаго своего господина горко плачущися, и видя его ни ким брегома, и взя возлюбленаго своего государя, и тайно сохрани его. И ускори к благовѣрной княгине Еупраксѣе, и сказа ей, яко нечестивый царь Батый убий благовѣрнаго князя Федора Юрьевича.

Благовѣрная княгиня Еупраксѣа стоаше в превысоком храме своемъ и держа любезное чадо свое князя Ивана Федоровича, и услыша таковыя смертноносныя глаголы, и горести исполнены, и абие ринуся из превысокаго храма своего с сыном своим со князем Иваномъ на среду земли, и заразися до смерти. И услыша великий князь Юрьи Ингоревич убиение возлюбленаго сына своего блаженнаго князя Федора, инѣх князей, нарочитых людей много побито от безбожнаго царя, и нача плакаться, и с великою княгинею, и со прочими княгинями, и з братею. И плакашеса весь град на многъ час. И едва отдохнув от великаго того плача и рыдания, и начаша совокупляти воинство свое, и учредиша. Князь великий Юри Ингоревич, видя братню свою и боляръ своих и воеводе храбрыи мужественны ѣздяше, и воздѣ руцѣ на небо со слезами и рече: «Изми нас от враг наших, боже. И от востающих на нь избави нас, и покрый нас от сонма лукавнующих, и от множества творящих безаконие. Буди путь их тма и ползок». И рече братни своей: «О господия и братиа моа, аще от руки господня благая прияхом, то злая ли не потерпим! Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти. Се бо я, брат ваш, напред вас изопью чашу смертную за святыя божиа церкви, и за вѣру христьянскую, и за очину отца нашего великаго князя Ингоря Святославища». И поидоша в церковь пресвятыя владычицы богородици честнаго ея Успения. И плакася много пред образом

И некто из вельмож рязанских по зависти донес безбожному царю Батыю, что есть у князя Федора Юрьевича Рязанского княгиня из царского рода и что всех прекраснее она красотой телесною. Царь Батый лукав был и немилостив в неверии своем, распалился в похоти своей и сказал князю Федору Юрьевичу: «Дай мне, княже, изведать красоту жены твоей». Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский посмеялся и ответил царю: «Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь». Безбожный царь Батый разъярился и оскорбился и тотчас повелел убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других князей и воинов лучших поубивал.

И один из пестунов князя Федора Юрьевича, по имени Апоница, укрылся и горько плакал, смотря на славное тело честного своего господина; и увидев, что никто его не охраняет, взял возлюбленного своего государя и тайно схоронил его. И поспешил к благоверной княгине Евпраксии, и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благоверного князя Федора Юрьевича.

Благоверная же княгиня Евпраксия стояла в то время в превысоком тереме своем и держала любимое чадо свое — князя Ивана Федоровича, и как услышала она эти смертоносные слова, исполненные горести, бросилась она из превысокого терема своего с сыном своим князем Иваном прямо на землю и разбилась до смерти. И услышал великий князь Юрий Ингваревич об убиении безбожным царем возлюбленного сына своего, блаженного князя Федора, и других князей, и что перебито много лучших людей, и стал плакать о них с великой княгиней и с другими княгинями и с братией своей. И плакал город весь много времени. И едва отдохнул князь от великого того плача и рыдания, стал собирать воинство свое и расставлять полки. И увидел князь великий Юрий Ингваревич братию свою, и бояр своих, и воевод, храбро и мужественно скачущих, воздел руки к небу и сказал со слезами: «Избавь нас, боже, от врагов наших. И от подымающихся на нас освободи нас, и сокрой нас от сборища нечестивых и от множества творящих беззаконие. Да будет путь им темен и скользок». И сказал братии своей: «О государи мои и братия, если из рук господних благое приняли, то и злое не потерпим ли?! Лучше нам смертью славу вечную добыть, нежели во власти поганых быть. Пусть я, брат ваш, раньше вас выпью чашу смертную за святые божии церкви, и за веру христианскую, и за отчину отца нашего великого князя Ингваря Святославича». И пошел в церковь Успения пресвятой владычицы богородицы. И плакал много перед образом

пречистыа богородици и великому чюдотворцу Николе и сродником своим Борису и Глѣбу. И дав последнее целование великой княгини Агреппѣне Ростиславне, и прием благословение от епископа и от всего священнаго собора. И поидоша против нечестиваго царя Батыя, и стретоша его близ придел резанских. И нападоша на нь, и начаша битися крепко и мужественно, и бысть съча зла и ужасна. Мнози бо силнии полки падоша Батыеви. Царь Батый, и видяше, что господство резаньское крѣпко и мужественно бѣяшеся, и возбояся. Да противу глѣву божию хто постоит! А Батыеве бо и силе велице и тяжце, един бѣяшеся с тысящей, а два со тмою. Видя князь великий убиение брата своего князя Давида Ингоревича, и воскричаша: «О братие моя милая! князь Давидъ, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сея чаши не пьем!» И преседоша с коня на кони, и начаша битися прилѣжно. Многя силныя полки Батыевы проеждяя, храбро и мужественно бѣяшеся, яко всѣм полком татарскимъ подивитися крѣпко и мужеству резанскому господству. И едва одолѣша их силныя полки татарскыа. Ту убиен бысть благовѣрный князь великии Георгий Ингоревич, брата его князь Давидъ Ингоревич Муромской, брат его князь Глѣбъ Ингоревич Коломенской, брат их Всеволод Проньской, и многая князи мѣсныа и воеводы крѣпкыа, и воинство: удалцы и резвцы резанскыа. Все равно умроша и едину чашу смертную пиша. Ни един от них возвратися вспять: все вкупе мертви лежаша. Ся бо наведе богъ грех ради наших.

А князя Олга Ингоревича яша еле жива суца. Царь же, видя свои полки мнози падоша, и нача велми скръбѣти и ужасатися, видя своя силы татарскыа множество побѣеных. И начаша воевати Резанскую землю, и веля бити, и съчи, и жеши без милости. И град Прѣнескъ, и град Бѣл, и Ижеславецъ розари до основаниа, и все люди побиша без милости. И течаше кровь христьянская, яко река сильная, грѣх ради нашихъ.

Царь Батый и видя князя Олга Ингоревича велми красна и храбра, и изнемогаючи от великих ран, и хотя его извратити от великих ран и на свою прелестъ возвратити. Князь Олег Ингоревич укори царя Батыя, и нарек его безбожна, и врага христьянска. Окаяный Батый и дохну огнем от мерскаго сердца своего, и въскоре повелѣ Олга ножи на части роздробити. Сий бо есть вторый страстоположник Стефан, приа венець своего страдания от всемилостиваго бога, и испи чашу смертную своею братею ровно.

Царь Баты окаанный нача воевати Резанскую землю, а поидоша ко граду к Резани. И обступиша град, и начаша битися неотступно пять дней. Батыево бо войско пременишася, а гражане непремѣно бѣяшеся. И многих гражан побиша, а инѣх уазвиша,

пречистой богородицы, и молился великому чудотворцу Николае и сродникам своим Борису и Глебу. И дал последнее целование великой княгине Агриппине Ростиславовне, и принял благословение от епископа и всех священнослужителей. И пошел против нечестивого царя Батыя, и встретили его около границ рязанских. И напали на него, и стали биться с ним крепко и мужественно, и была сеча зла и ужасна. Много сильных полков Батыевых пало. И увидел царь Батый, что сила рязанская бьется крепко и мужественно, и испугался. Но против гнева божия кто постоит! Батыевы же силы велики были и непреоборимы; один рязанец бился с тысячей, а два — с десятью тысячами. И увидел князь великий, что убит брат его, князь Давыд Ингваревич, и воскликнул: «О братия моя милая! Князь Давыд, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сей чаши не изопьем!» И пересели с коня на конь и начали биться упорно. Через многие сильные полки Батыевы проезжали насквозь, храбро и мужественно сражаясь, так что все полки татарские подивились крепости и мужеству рязанского воинства. И едва одолели их сильные полки татарские. Здесь убит был благоверный великий князь Юрий Ингваревич, брат его князь Давыд Ингваревич Муромский, брат его князь Глеб Ингваревич Коломенский, брат их Всеволод Пронский и многие князья местные, и воеводы крепкие, и воинство: удальцы и резвцы рязанские. Все равно умерли и единую чашу смертную испили. Ни один из них не повернул назад, но все вместе полегли мертвые. Все это навел бог грехов ради наших.

А князя Олега Ингваревича захватили еле живого. Царь же, увидев многие свои полки побитыми, стал сильно скорбеть и ужасаться, видя множество убитых из своих войск татарских. И стал воевать Рязанскую землю, веля убивать, рубить и жечь без милости. И град Пронск, и град Бел, и Ижеславец разорил до основания и всех людей побил без милосердия. И текла кровь христианская, как река обильная, грехов ради наших.

И увидел царь Батый Олега Ингваревича, столь красивого и храброго, изнемогающего от тяжких ран, и хотел уврачевать его от тяжких ран, и к своей вере склонить. Но князь Олег Ингваревич укорил царя Батыя и назвал его безбожным и врагом христианства. Окаянный же Батыйдохнул огнем от мерзкого сердца своего и тотчас повелел Олега ножами рассечь на части. И был он второй страстотерпец Стефан, принял венец страдания от всемилостивого бога и испил чашу смертную вместе со всею своею братьею.

И стал воевать царь Батый окаянный Рязанскую землю, и пошел ко граду Рязани. И осадил град, и бились пять дней неотступно. Батыево войско переменялось, а горожане беспрерывно бились. И многих горожан убили, а иных ранили,

а инии от великих тродов изнемогша. А въ шестый день рано приидоша погани ко граду, овии с огни, а ини с пороки, а инѣи со тмочисленными лѣствицами, и взяша град Резань месяца декабря 21 день. И приидоша в церковь собрѣную пресвятыа Богородици, и великую княгиню Агрепѣну мать великаго князя, и с снохами и с прочими княгинями мечи исекоша, а епископа и священическый чин огню предаша, во святѣй церкви пожегоша, а инѣи мнози от оружиа падоша. А во граде многих людей, и жены, и дѣти мечи исекоша. И иных в рѣцѣ потопиша, и ерѣи черноризца до останка исекоша, и весь град пожгоша, и все узорочие нарочитое, богатство резанское и сродник их киевское и черниговское поимаша. А храмы божиа разориша, и во святых олтарех много крови пролиаша. И не оста во граде ни единъ живых: вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Нѣсть бо ту ни стоюща, ни плачюща — и ни отцу и матери о чадах, или чадом о отци и о матери, ни брату о брате, ни ближнему роду, но вси вкупѣ мертви лежаща. И сиа вся наиде грех ради наших.

Безбожный царь Батый и видя велие пролитие крови християнска, и возярися зело, и огорчися, и поиде на град Суздаль и Владимиръ, и желая Рускую землю попленити, и вѣру християнскую искоренити, и церкви божии и до основания разорити.

И нѣкий от велмож резанских имянем Еупатий Коловрат в то время был в Чернигове со князем Ингварем Ингоревичем, и услыша приход зловѣрнаго царя Батыа, и иде из Чернигова с малою дружиною, и гнаша скоро. И приѣха в землю Резаньскую, и видѣ ея опустѣвшую, грады разорены, церкви пожены, люди побьены. И пригна во град Резань и видѣ град разоренъ, государи побиты, и множества народа лежаща: ови побьены и посѣчены, а ины позжены, ины в рецѣ истоплены. Еупатий воскрича в горести душа своя и распалаяся въ сердца своем. И собра мало дружины: тысящу семсотъ человекъ, которых богъ соблюде быша внѣ града. И погнаша во след безбожного царя и едва угнаша его в земли Суздалстей, и внезапно нападоша на станы Батыевы. И начаша съчи без милости, и сметоша яко всѣ полки татарскыа. Татарове же сташа, яко пияны, или неистовы. Еупатию тако их бѣяше нещадно, яко и мечи притупишася, и емля татарскыа мечи и съчаша их. Татарове мняша, яко мертви восташа. Еупатий силныа полки татарскыа проеждя, бѣяше их нещадно. И ездя по полком татарским храбро и мужественно, яко и самому царю возбоятися.

И едва поимаша от полку Еупатиева пять человекъ воиньских, изнемогших от великих ран. И приведоша их къ царю Батыю.

а иные от великих трудов изнемогли. А в шестой день спозаранку пошли поганые на город — одни с огнями, другие с пороками, а третьи с бесчисленными лестницами — и взяли град Рязань месяца декабря в двадцать первый день. И пришли в церковь соборную пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, со сножами и прочими княгинями посекали мечами, а епископа и священников огню, предали — во святой церкви пожгли, и иные многие от оружия пали. И в городе многих людей, и жен, и детей мечами посекали. А других в реке потопили, а священников и иноков без остатка посекали, и весь град пожгли, и всю красоту прославленную, и богатство рязанское, и сродников их — князей киевских и черниговских — захватили. А храмы божии разорили и во святых алтарях много крови пролили. И не осталось в городе ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые. И было все то за грехи наши.

И увидел безбожный царь Батый страшное пролитие крови христианской, и еще больше разъярился и ожесточился, и пошел на город Суздаль и на Владимир, собираясь Русскую землю пленить, и веру христианскую искоренить, и церкви божии до основания разорить.

И некий из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем, и услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И помчался в город Рязань, и увидел город разоренный, государей убитых и множество народа полегшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распаляясь в сердце своем. И собрал небольшую дружину — тысячу семьсот человек, которых бог сохранил вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались: все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек ими. Почудилось татарам, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил среди полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь устрашился.

И едва поймали татары из полка Евпатьяева пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю

Царь Батый нача вопрошати: «Коеа вѣры еста вы, и коеа земля, и что мнѣ много зла творите?» Они же рѣша: «Вѣры христьянскыя есве, раби великаго князя Юрья Ингоревича Резанскаго, а от полку Еупатиева Коловрата. Посланы от князя Ингваря Ингоревича Резанскаго тебя силна царя почитити и честна проводить, и честь тобѣ воздати. Да не подиви, царю, не успевати наливати чаш на великую силу — рать татарскую». Царь же подивися отвѣту их мудрому. И посла шурича своего Хостоврула на Елупатиа, а с ним силныя полкы татарскыя. Хостовруль же похвалися пред царем, хотя Еупатия жива пред царя привести. И ступишася силныя полкы татарскыя, хотя Еупатия жива яти. Хостовруль же съехася съ Еупатием. Еупатей же исполин силою и разсѣче Хостоврула на полы до седла. И начаша сѣчи силу татарскую, и многих тут нарочитых багатырей Батыевых побил, ових на полы пресекоша, а иных до седла краяше. Татарове возбояшеся, видя Еупатиа крѣпка исполина. И навадиша на него множество пороков, и нача бити по нем ис тмочисленых пороков, и едва убиша его. И принесоша тѣло его пред царя Батыа. Царь Батый посла по мурзы, и по князи, и по санчакбѣи, и начаша дивитися храбрости, и крѣпости, и мужеству резанскому господству. Они же рекоша царю: «Мы со многими цари, во многих землях, на многихъ бранех бывали, а таких удалцов и резвцов не видали, ни отци наши возвестиша нам. Сии бо люди крылатыи, и не имеюще смерти: тако крѣпко и мужественно ездя, бьяшеся един с тысящею, а два со тмою. Ни един от них может съехати жив с побоища». Царь Батый и зря на тело Еупатиево, и рече: «О Коловрате Еупатие! гораздо еси меня подщивал малою своею дружиною, да многих багатырей сильной орды побил еси, и многие полкы падоша. Аще бы у меня такой служилъ,— держал бых его против сердца своего». И даша тѣло Еупатиево его дружинѣ останочной, которые пойманы на побоище. И веля их царь Батый отпустити, ни чем вредити.

Князь Ингварь Ингоревич в то время был в Чернигове у брата своего князя Михаила Всеволодовича Черниговского богъмъ соблюден от злаго того отметника врага христьянскаго. И прииде из Чернигова в землю Резанскую во свою отчину, и видя ея пугу, и услыша, что братья его всѣ побиены от нечестиваго законопреступника царя Батыа, и прииде во град Резань и видя град разорен, а мать свою, и снохи своа, и сродник своих, и множество много мертвых лежаща, и град разоренъ, церкви позжены и все узорочье в казне черниговской и резанской взято. Видя князь Ингварь Ингоревич великую конечную погибель грѣх ради наших,

Батыю. Царь Батый стал их спрашивать: «Какой вы веры, и и какой земли, и зачем мне много зла творите?» Они же отвечали: «Веры мы христианской, рабы великого князя Юрия Ингваревича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингваревича Рязанского тебя, сильного царя, почествовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу — рать татарскую». Царь же подивился ответу их мудрому. И послал шурича своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого. И обступили Евпатия сильные полки татарские, стремясь его взять живым. И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполин силою и рассек Хостоврула на-полю до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних пополам отсекал, а других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество пороков, и стали бить по нему из бесчисленных пороков, и едва убили его. И принесли тело его к царю Батыю. Царь же Батый послал за мурзами, и князьями, и санчакбеями, — и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И сказали они царю: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удалцов и резвцов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно, на конях разъезжая, бьются — один с тысячею, а два — с десятью тысячами. Ни один из них не съедет живым с побоища». И сказал царь Батый, глядя на тело Евпатьево: «О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня потчевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной орды моей побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня, — держал бы его у самого сердца своего». И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых похватили на побоище. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им.

Князь Ингварь Ингваревич был в то время в Чернигове, у брата своего князя Михаила Всеволодовича Черниговского, сохранен богом от злого того отступника и врага христианского. И пришел из Чернигова в землю Рязанскую, в свою отчину, и увидел ее пусту, и услышал, что братья его все убиты нечестивым, законопреступным царем Батыем, и пришел во град Рязань, и увидел город разоренным, а мать свою, и снох своих, и сродников своих, и многое множество людей лежащих мертвыми, город разорен и церкви пожжены, и все узорочье из казны черниговской и рязанской взято. Увидел князь Ингварь Ингваревич великую последнюю погибель за грехи наши

и жалостно возкричаша, яко труба рати глас подавающе, яко сладкий арган вещающи. И от великаго кричанна, и вопля страшнаго лежаща на земли, яко мертвъ. И едва отльеяша его и носяша по вѣтру. И едва отдохну душа его в нем.

Кто бо не возплачетца толикна погибели, или хто не возрыдает о селице народе людей православных, или хто не пожалит толико побито великих государей, или хто не постонет таковаго пленения.

Князь Ингварь Ингоревич, розбирая трупиа мертвых, и наиде тѣло матери своей великия княгини Агрепены Ростиставны, и позна снохи своя, и призва попы из веси, которых богъ соблюде, и погребе мать свою, и снохи своа плачем великим во псалмов и пѣсней мѣсто: кричаше велми и рыдаше. И похраняше прочна трупиа мертвых, и очисти град, и освяти. И собращася мало людей, и даша имъ мало утешения. И плачася безпрестано, поминая мать свою и братию свою, и род свой, и все узорочье резанское — вскоре погибе. Сиа бо вся наиде грѣх ради наших. Сий бо град Резань и земля Резанская изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видѣти — токмо дым и пепел, а церкви всѣ погорѣша, а великая церковь внутрь погоре и почернѣша. Не един бо сий град плененъ бысть, но и инни мнози. Не бѣ бо во граде пѣниа, ни звона, в радости мѣсто всегда плач творяще.

Князь Ингварь Ингоревич поиде и гдѣ побѣени быша братья его от нечестиваго царя Батыа: великий князь Юрьи Ингоревич Резанской, брат его князь Давидъ Ингоревич, брат его Всеволод Ингоревичъ и многиа князи мѣсныа, и бояре, и воеводы, и все воинство, и удалцы и резвецы, узорочие резанское. Лежаша на земли пусте, на травѣ ковыле, снѣгом и ледом померзоша, ни ким брегома. От зверей телеса их снѣдаема, и от множества птиц разъстерзаемо. Всѣ бо лежаша, купно умроша, едину чашу пиша смертную. И видя князь Ингварь Ингоревич велия трупиа мертвых лежаша, и воскрича горько велием гласом, яко труба распалаяся, и в перьси свои рукама биюще, и ударяшеся о земля. Слезы же его от очию, яко потокъ, течаше и жалосно вещающи: «О милая моа братья и господие! како успе животе мои драгии! Меня одинаго оставиша в толице погибели. Про что аз преже вас не умрох? И камо заидесте очию моею, и где отошли есте сокровища живота моего? Про что не промолвите ко мнѣ, брату вашему, цвѣты прекрасныи, винограде мои несозрѣлыи? Уже не подасте сладости души моеи! Чему, господине, не зрите ко мнѣ — брату вашему, не промолвите со мною? Уже ли забыли есте мене брата своего, от одинаго отца роженаго, и единые утробы честнаго плода матери нашей — великие княгини Агрепѣны Ростиславне,

и жалостно воскричал, как труба, созывающая на рать, как сладкий орган звучащий. И от великого того крика и вопля страшного пал на землю, как мертвый. И едва отлили его и отходили на ветру. И с трудом ожила душа его в нем. Кто не восплачется о такой гибели, кто не возрыдает о стольких людях народа православного, кто не пожалеет стольких убитых великих государей, кто не застонет от такого пленения?

Разбирая трупы убитых, князь Ингварь Ингваревич нашел тело матери своей, великой княгини Агриппины Ростиславовны, и узнал снох своих, и призвал попов из сел, которых бог сохранил, и похоронил мать свою и снох своих с плачем великим вместо псалмов и песнопений церковных: сильно кричал и рыдал. И похоронил остальные тела мертвых, и очистил город, и освятил. И собралось малое число людей, и немного утешил их. И плакал беспрестанно, поминая мать свою, и братию свою, и род свой, и все узорочье рязанское, без времени погибшее. Все то случилось по грехам нашим. Был город Рязань, и земля была Рязанская, и исчезло богатство ее, и отошла слава ее, и нельзя было увидеть в ней никаких благ ее — только дым и пепел; и церкви все погорели, а великая церковь внутри изгорела и почернела. И не только этот город пленен был, но и иные многие. Не стало в городе ни пения, ни звона; вместо радости — плач непрерывный.

И пошел князь Ингварь Ингваревич туда, где побиты были нечестивым царем Батыем братья его: великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, брат его князь Давыд Ингваревич, брат его Всеволод Ингваревич, и многие князья местные, и бояре, и воеводы, и все воинство, и удальцы, и резвцы, узорочье рязанское. Лежали они все на земле опустошенной, на траве ковыле, снегом и льдом померзнувшие, никем не блюдомые. Звери тела их поели, и множество птиц их растерзало. Все лежали, все вместе умерли, единую чашу испили смертную. И увидел князь Ингварь Ингваревич великое множество мертвых тел лежащих, и воскричал горько громким голосом, как труба звучащая, и бил себя в грудь руками, и падал на землю. Слезы его из очей как поток текли, и говорил он жалостно: «О милая моя братия и воинство! Как уснули вы, жизни мои драгоценные? Меня одного оставили в такой гибели! Почему не умер я раньше вас? И куда скрылись вы из очей моих, и куда ушли вы, сокровища жизни моей? Почему ничего не промолвите мне, брату вашему, цветы прекрасные, сады мои незрелые? Уже не подарите сладость душе моей! Почему, государи мои, не посмотрите вы на меня, брата вашего, и не поговорите со мною? Ужели забыли меня, брата вашего, от единого отца рожденного и от единой утробы матери нашей — великой княгини Агриппины Ростиславовны,

и единым сосцом воздоеных многоплоднаго винограда? И кому приказали есте меня — брата своего? Солнце мое драгое, рано заходящее, месяци красныи, скоро изгибли есте, звѣзды восточныи, почто рано зашли есте! Лежите на земли пуге, ни ким брегома, чести-славы ни от кого приемлемо! Изменися бо слава ваша. Гдѣ господство ваше? Многим землям государи были есте, а ныне лежите на земли пуге, зрак лица вашего изменися во истлѣнии. О милая моя братиа и дружина ласкова, уже не повеселюся с вами! Свѣте мои драгии, чему помрачилися есте? Не много нарадовахся с вами! Аще услышит богъ молитву вашу, то помолитесь о мнѣ, о брате вашем, да вкупе умру с вами. Уже бо за веселие плач и слезы приидоша ми, а за утѣху и радость сетование и скръбь яви ми ся! Почто аз не преже вас умрох, да бых не видѣл смерти вашей, а своя погубели. Не слышите ли бѣдных моих словес жалостно вещающа? О земля, о земля, о дубравы поплачите со мною! Како нареку день той, или како возпишу его — в он же погубе толико господарей и многие узорочье резанское храбрых удалцев. Ни един от нихъ возвратися вспять, но вси равно умроша, едину чашу смертную пиша. Се бо в горести души моя язык мой связается, уста загражаются, зрак опусмеваает, крѣпость изнемогает».

Бысть убо тогда многи туги и скорби, и слез, и воздыханна, и страха, и трепета от всѣх злых, находящих на ны. Великий князь Ингварь Ингоревич воздѣ руцѣ на небо со слезами возва, глаголаша: «Господи, боже мой, на тя уповах, спаси мя, и от всѣх гонящих избави мя. Пречиста владычице богородице Христа бога нашего, не остави мене во время печали моя. Великие стратотерпцыи сродники наши Борис и Глѣбъ, буди мнѣ помощники, грешному, во бранех. О братие моа и господие, помогайте мнѣ во святых своих молитвах на супостаты наши — на агаряне и внуци измаительска рода».

Князь Ингварь Ингоревич начаша разбирати трупие мертвых, и взя тѣло брата своего, и великаго князя Георгия Ингоревича, и князя Давида Ингоревича Муромского, и князя Глѣба Ингоревича Коломенского, и инех князей мѣсных — своих сродниковъ, и многих бояръ, и воевод, и ближних знаемых, принесе их во град Резань, и похраняше их честно, а инех тут на мѣсте на пуге собираше и надгробное пѣша. И похраняше князь Ингварь Ингоревич, и поиде ко граду Пронску, и собра раздроблены уды брата своего благовѣрнаго и христолюбиваго князя Олга Ингоревича и несоша его во град Резань, а честную его главу сам князь велики Ингварь Ингоревич и до града понеси, и целова ю любезно, положиша его с великим князем Юрьем Ингоревичем во единой раце. А братью свою

и единою грудью многоплодного сада вскормленного? На кого оставили вы меня, брата своего? Солнце мое дорогое, рано заходящее, месяц мой красный! скоро погибли вы, звезды восточные; зачем же закатились вы так рано? Лежите вы на земле пустой, никем не охраняемые; чести-славы ни от кого не получаете вы! Помрачилась слава ваша. Где власть ваша? Над многими землями государями были вы, а ныне лежите на земле пустой, лица ваши потемнели от тления. О милая моя братня и дружина ласковая, уже не повеселюся с вами! Светочи мои ясные, зачем потускнели вы? Не много порадовался с вами! Если услышит бог молитву вашу, то помолитесь обо мне, брате вашем, чтобы умер я вместе с вами. Уже ведь за веселием плач и слезы пришли ко мне, а за утехой и радостью сетование и скорбь явились мне! Почему не прежде вас умер, чтобы не видеть смерти вашей, а своей гибели? Слышите ли вы горестные слова мои, жалостно звучащие? О земля, о земля! о дубравы! Поплачьте со мною! Как опишу и как назову день тот, в который погибло столько государей и многое узорочье рязанское — удальцы храбрые? Ни один из них не вернулся, но все равно умерли, единую чашу смертную испили. От горести души моей язык мой не слушается, уста закрываются, взор темнеет, сила изнемогает».

Было тогда много тоски, и скорби, и слез, и вздохов, и страха, и трепета от всех тех злых, которые напали на нас. И воздел руки к небу великий князь Ингварь Ингваревич, и воззвал со слезами, говоря: «Господи боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всех гонящих избавь меня. Пречистая владычица, мать Христа, бога нашего, не оставь меня в годину печали моей. Великие стратотерпцы и сродники наши Борис и Глеб, будьте мне, грешному, помощниками в битвах. О братия мои и воинство, помогите мне во святых ваших молитвах на врагов наших — на агарян и внуков рода Измаила».

И стал разбирать князь Ингварь Ингваревич тела мертвых, и взял тела братьев своих — великого князя Юрия Ингваревича, и князя Давыда Ингваревича Муромского, и князя Глеба Ингваревича Коломенского, и других князей местных — своих сродников, и многих бояр, и воевод, и ближних, знаемых ему, и принес их во град Рязань, и похоронил их с честью, а тела других тут же на пустой земле собрал и надгробное отпевание совершил. И, похоронив так, пошел князь Ингварь Ингваревич ко граду Пронску, и собрал рассеченные части тела брата своего благоверного и христолюбивого князя Олега Ингваревича, и повелел нести их во град Рязань, а честную главу его сам князь великий Ингварь Ингваревич до града понес, и целовал ее любезно, и положил его с великим князем Юрием Ингваревичем в одном гробу. А братьев своих,

князя Давида Ингоревича, да князя Глѣба Ингоревича положиша у него близ гроба их во единой рацѣ. Поиде же князь Ингвар Ингоревичъ на реку на Воронеж, иде убьен бысть князь Федор Юрьевич Резанской, и взя честное тѣло его, и плакася на дним на долгъ час. И принесе во область его к великому чудотворцу Николе Корсунскому, и его благовѣрную княгиню Еупраксѣю, и сына их князя Ивана Федоровича Посника во едином мѣстѣ. И поставиша над ними кресты камены. И от сея вины да зовется великий чудотворецъ Николае Заразский, яко благовѣрная княгиня Еупраксѣя и с сыном своим князем Иваном сама себе зарази.

князя Давыда Ингваревича да князя Глеба Ингваревича, положил в одном гробу близ могилы тех. Потом пошел князь Ингварь Ингваревич на реку на Воронеж, где убит был князь Федор Юрьевич Рязанский, и взял тело честное его, и плакал над ним долгое время. И принес в область его к иконе великого чудотворца Николы Корсунского, и похоронил его вместе с благоверной княгиней Евпраксией и сыном их князем Иваном Федоровичем Постником во едином месте. И поставил над ними кресты каменные. И по той причине зовется великого чудотворца Николы икона Зараской, что благоверная княгиня Евпраксия с сыном своим князем Иваном сама себя на том месте «заразила» (разбила).

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

(Стр. 184)

«Повесть о разорении Рязани Батыем» входит в тот же рязанский цикл, что и предшествующая ей «Повесть о Николе Заразском», и начинается отрывком о гибели рязанского князя Федора, его жены Евпраксии и сына Ивана Постника,— отрывком, который заканчивает предшествующую «Повесть о Николе Заразском». Повесть сохранилась в списках не ранее начала XVI в., однако судить о ее первоначальном виде мы все же можем. На разных этапах своего существования повесть отразилась в различных памятниках древнерусской литературы. Древнейшая редакция повести отразилась в Новгородской первой летописи, старейший список которой в части, сохранившей повесть, относится к XIII в. Она очень кратка и фактична. Отражение повести в памятниках XIV в. свидетельствует о том, что ни плача Ингваря Ингоревича, ни эпизода с Евпатием Коловратом в ней в это время еще не было. Судя по отражениям повести в произведе-

ниях XV в., эти части повести в ней появляются в начале XV в., и повесть приобретает в основном тот вид, который известен и нам¹.

Издается повесть по тому же списку, что и предшествующая ей «Повесть о Николе Заразском»: ГБЛ, Волоколамское собрание № 526.

Стр. 184. *..на Воронеже...* — Река Воронеж, левый приток Дона в южной, прилегающей к Половецкой степи окраине Рязанской земли.

..на Рязань. — Старая Рязань находилась на крутом берегу Оки верстах в четырех от устья реки Прони. Нынешняя Рязань — другой древний рязанский город, известный первоначально под именем Переяславля Рязанского. Впервые в летописи Рязань упоминается под 1096 г., но археологические данные говорят о существовании ее как славянского поселения еще в X в.

...Юрию Ингоровичю Рязанскому... — В летописях известен Юрий Игоревич Рязанский — сын князя рязанского Игоря Глебовича. Впервые он вступает на арену летописи в 1207 г., когда великий князь владимирский Всеволод Юрьевич приказал захватить заподозренных им в сношениях с черниговскими Ольговичами Юрия Игоревича, его брата Ингваря Игоревича и двух старших рязанских князей Романа и Святослава. Все они были сосланы во Владимир и выпущены на свободу только после смерти Всеволода его сыном Юрием Всеволодовичем в 1212 г. Исторический смысл этих действий Всеволода не совсем ясен, так же как и причины, по которым рязанские князья были отпущены Юрием Всеволодовичем. После предательского умерщвления рязанских князей на пиру у Глеба Владимировича в 1217 г. рязанским князем стал Ингварь Игоревич, случайно спасшийся от избиения и выбивший из Рязани Глеба Владимировича с помощью великого князя владимирского Юрия Всеволодовича. У этого Ингваря Игоревича Юрий Игоревич наследовал рязанское княжение в 1220 г.

...Георгию Всеволодовичу Владимирскому... — Великий князь владимирский Георгий (Юрий) Всеволодович, сын великого князя владимирского Всеволода III Юрьевича («Большое Гнездо»). Погиб в битве с войсками Батыя на реке Сити.

...Давида Ингоровича Муромского... — В летописях Давыд Ингорович не упоминается. Муромское княжество было тесно связано с Рязанским. Возникновение Мурома как славянского города, по-видимому, следует относить ко времени не позднее XI в. Муромские и рязанские князья имели общего родоначальника — Святослава Ярославича (см. комм. к с. 200). Рязань и Муром до конца XII в. находились в общем церковном подчинении черниговскому епископу, а с конца XII в. составили вместе особую

¹ См.: Д. С. Лихачев. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV века. — В кн.: «Исследования и материалы по древнерусской литературе». М., 1961, с. 9—22; К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем». — В кн.: «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, с. 48—51; «Задонщина» и «Повесть о разорении Рязани Батыем». — В кн.: «Древняя Русь и славяне». М., 1978, с. 366—370.

епископию. До 1228 г. в Муроме княжил Давыд Юрьевич, а с 1228 г. его сын Юрий, деля свое княжество с родными и двоюродными братьями.

...*Глѣба Ингоревича Коломенского*... — В летописях Глеб Ингоревич не известен. Коломна первоначально входила в состав Рязанской земли, служа оплотом против соседнего Суздальско-Владимирского княжества. Впервые упоминается в летописи под 1177 г.

...*Олга Краснаго*. — Ниже он же назван Олегом Ингоревичем Красным (т. е. Красивым). По «Повести...» — брат Юрия Ингоревича (Игоревича). В действительности он был, по-видимому, не братом, а племянником Юрия (сыном Ингваря), упоминаемым в летописях под 1252 и 1258 гг., хотя в жалованной грамоте Олега Ивановича (Акты исторические, т. I. СПб., 1841, № 2, с. 2) Олег Красный поставлен наряду с Ингварем и Юрием как с братьями: «...коли ставили во первых прадеди наши святую Богородицу, князь великий Инъгвар, князь Олег, князь Юрьи».

...*Слеваладе Проньского*... — Очевидно, Всеволод Глебович Пронский — сын князя рязанского Глеба Ростиславича, отец Кир-Михаила Пронского (см. комм. к с. 202, к словам: «А Кир Михайло Всеволодовича Пронского посади на отца его отчине»). Однако по летописи Всеволод Пронский погиб значительно раньше — в 1208 г.

...*Федора Юрьевича Резаньскаго*... — По «Повести...» — сын князя Юрия Ингоревича Рязанского, князь Зарзска. В летописях ни он, ни его жена Евпраксия, ни сын Иван Постник не упоминаются.

Стр. 186. ...*Апоница*... — Имя пестуна князя Федора Апоница (в некоторых поздних списках назван «Аполоницей») автор брошюры «Чудотворный образ Николая Зарайского» (М., 1860) связывает с селением «Апонищи» близ Зарайска, предполагая в основе рассказа об Апонице местную легенду.

...*с великою княгинею*... — «Великая княгиня» — мать Юрия Ингоревича, Агрипина Ростиславовна (упоминается в «Повести...» ниже). В летописях о ней ничего не говорится.

...*великаго князя Ингоря Святославича*. — Кто такой Ингорь (Игорь) Святославич — неясно. Рязанские князья — потомки Игоря Ольговича (ум. в 1194 г.). Возможно, Игорь Ольгович эпически переосмыслен здесь как Игорь Святославич — герой «Слова о полку Игореве»; художественные традиции этого произведения легко могли перейти в Рязанскую землю через соседнюю Черниговщину (см. комм. к с. 200, к словам: «Сии бо государи рода Владимирова Святославича...»).

...*в церковь... Успениа*. — Каменный рязанский Успенский собор, остатки которого обнаружены еще раскопками 1836 г., был, по-видимому, построен при учреждении в Рязани епископской кафедры — между 1187 и 1207 гг. Он был украшен снаружи резным камнем, внутри фресками и довольно значителен по размерам.

Стр. 188. ...*епископа*. — Епископская кафедра была учреждена в Рязани между 1187 и 1207 гг.

...*Прънескъ*... — Город Пронск на реке Прони. В летописях впервые упоминается под 1186 г., когда его осадили войска суздальцев. К этому времени в Пронске уже существовали крепостные стены. Вторично подвергся осаде

Пронск в 1207 г. И опять-таки из рассказа летописи явствует, что в нем имелись крепостные сооружения. Исследования археологов установили, что крепость стояла на длинной и узкой площадке, ограниченной с одной стороны крутым скатом горы, а с другой — оврагами.

...град Бѣл... — Белгород в Рязанской земле, ныне Белгородище, недалеко от Венева. В летописях упоминается только один раз — под 1155 г. в связи с убийством в нем тысяцкого Андрея Глебовича. После нашествия Батыя не возродился.

...Ижеславецъ... — В летописях не упоминается и после нашествия Батыя не возродился. Д. Иловайский предполагал, что этот город находился к северо-востоку от Старой Рязани близ устья реки Пры (Д. Иловайский. История Рязанского княжества. М., 1858, с. 105).

...страстоположник Стефан. — Святой Стефан, мученик, побитый камнями за отстаивание христианской веры (I в.). Эпизод с мученической кончиной Олега Красного носит характер вставки, сделанной на основании устных легенд, смешавших его с другим племянником Юрия — Романом Ольговичем. На самом деле Олег Ингваревич возвратился из Орды «на свою отчину» в 1252 г. и умер в 1258 г. (см. Лаврентьевскую, Симеоновскую, Воскресенскую, Никоновскую летописи). Между тем сын Олега Ингваревича Рязанского князь Роман был замучен в Орде в 1270 г. Смешению Олега Красного с Романом могло способствовать особое заглавие статьи в летописи: «Убиение великого князя Олгова Ингваровича Рязанскаго», в которой рассказывалось об убийстве Романа татарами (см. Симеоновскую летопись под 1270 г.).

Стр. 190. *...богатство рязанское и сродник их киевское и черниговское...* — Старинные связи Рязани с Черниговом и Киевом подтверждаются и археологическим материалом. Исследователь древнерусского ремесла Б. А. Рыбаков пишет: «В Старой Рязани в составе клада 1868 г. найдены тонкие тисненые бляшки, оттиснутые на одном штампе с бляшками из Киевского княжества (Княжья Гора) из клада близ Чернигова (Святое озеро). Кроме того, там же есть серебряные тисненые колты с чернью, близкие к работе черниговских мастеров и представляющие единичную находку в рязанских древностях. В «Сказании о приходе Батыя на Рязань» говорится о том, что татары ограбили не только коренных рязанцев, но и оказавшихся здесь их киевских и черниговских «сродников», «узорочь» которых особо отмечено автором «сказания» (Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М.—Л., 1948, с. 453).

...поиде на град Суздаль и Владимиръ... — От Рязани войска Батыя двинулись на Владимир окружным путем через Коломну и Москву, чтобы отрезать Юрию Всеволодовичу Владимирскому пути к отступлению. Под Коломной Батый разбил войска Юрия Всеволодовича. Захватив Москву, Батый направился на Владимир. 3 февраля 1238 г. войска Батыя начали осаду города. Одновременно отряд, посланный Батыем, захватил Суздаль. 7 февраля Владимир пал. Татары подвергли Владимир страшному опустошению. Юрия Всеволодовича в это время во Владимире не было: он собирал войска между Угличем и Бежецком. Встреча войск Батыя и Юрия Всеволодовича произошла на реке Сити 4 марта; Юрий Всеволодович по-

терпел полное поражение и сам был убит в бою. Его поражение на реке Сити поэтически переосмыслено в позднейшей местной легенде о невидимом граде Китеже (см. стр. 210—227 настоящей книги). Отдельные татарские отряды захватили Ростов, Ярославль, Городец, города вверх по Волге до Галича, Переяславль. Еще раньше (3 марта) был взят Торжок, чтобы перерезать Юрию Всеволодовичу пути отступления на Новгород. В середине марта татары двинулись на Новгород и дошли «до Игнача креста», километрах в двухстах от Новгорода, и отсюда повернули назад,— очевидно, не рискнув с измороженным в предшествующих битвах и сильно утомленным весенней распутицей войском встретиться со свежими войсками Новгорода Великого. Обратный путь татар шел на юго-восток мимо Козельска. Жители Козельска собрались на вече и решили не сдаваться татарам. Рассказ Ипатьевской летописи о семинедельном сопротивлении козлян войскам Батыея подчеркивает их «крепкодушие», ожесточенность схваток («козляне же ножи резахуся с ними») и жестокость расправы татар: были перебиты все «до сосущих млеко». На следующий год татары вновь двинулись на Русь. Одно из татарских войск подвергло вторичному, еще более ужасному разгрому Владимир, а другое захватило Чернигов и Киев. Рассказ Ипатьевской летописи описывает трагические подробности отчаянного сопротивления киевлян. От Киева татаро-монгольские войска двинулись на Волынь, непосредственно угрожая Западной Европе.

...*Еупатий Коловрат*... — Евпатий Коловрат нигде, кроме «Повести о разорении Рязани Батыем», не упоминается. В некоторых других редакциях повести он наделен отчеством: Львович.

Ингварем Ингоревичем. — Ингварь Ингоревич (Игоревич) — брат Юрия (Георгия) Ингоревича (Игоревича); это видно из того, что Ингварь находит «мать свою» Агриппину Ростиславовну — она же по повести и мать Юрия. Однако Ингварь Игоревич умер еще в начале 20-х гг., и Юрий Игоревич наследовал ему на рязанском княжении. Н. М. Карамзин считал Ингваря Ингоревича внуком Игоря Глебовича, следовательно — сыном Юрьева брата Ингваря («История Государства Российского», т. III, гл. VIII, примеч. 358). Так же считали Д. Иловайский, А. Экземплярский и А. Пресняков. Этому предположению не противоречит и прямое указание «Повести» об Ингваре как о брате, а не племяннике Юрия, и отчество Ингваря — Ингоревич (Ингоревич — Игоревич, ср. Юрий Ингоревич — Юрий Игоревич, и др.). В. Л. Комарович предполагает в князе Ингваре Игоревиче инициатора создания рязанского летописного свода, частично дошедшего до нас в составе Новгородской первой, Ростовской и Галицко-Волынской летописей («История русской литературы», т. II, ч. 1. М. — Л., 1945, с. 74—77).

Стр. 192. ...*шурича своего Хостоврула*. — Шурич — по-видимому, сын шурина. В других списках «Повести» Хостоврул назван шурином. В летописях русских и монгольских Хостоврул не упоминается.

...*санчакбѣи*... — Слово тюркского происхождения, означает знаменосца («санчак» в тюркских языках — знамя), военачальника.

Михаила Всеволодовича Черниговского. — Повесть о нем помещена на с. 228—235 настоящего издания.

Стр. 194. *...и призва попы из веси.* — «Весь» — по-древнерусски село. В самой Рязани все люди были перебиты.

...узороchie резанское. — «Узорочнем», то есть драгоценностью, сокровищем рязанским, здесь названы воины. В применении к людям слово «узорочье» нигде больше в письменных памятниках не встречается, однако в местных северных, а также владимирском и рязанском говорах людей очень красивых и в настоящее время называют иногда «узорочье».

Стр. 196. *...во единой раце.* — По показаниям летописей, Олег Ингваревич похоронен в 1258 г. в церкви Спаса (см. комм. к с. 184, к словам «Олга Краснаго», и к с. 188, к словам «страстоположник Стефан»). Д. Иловайский предполагает, что были два Олега Ингоревича (Д. Иловайский. История Рязанского княжества. М., 1858, с. 307).

Стр. 198. *И поставиша над ними кресты камены.* — См. комм. к с. 182.